

Не могла смолчать

На Чеховском фестивале показали спектакль по скандальной пьесе Ив Энслер «Монологи вагины»

Совсем не текст, а именно название — самая оригинальная, захватывающая, манящая, шокирующая и будящая фантазию часть этого произведения. Именно ему обязана «Вагина» покорением Бродвея, триумфальным шествием по сценам мира, баснословными сборами и благосклонным вниманием таких звезд, как Джейн Фонда, Мерил Стрип, Наоми Кэмпбелл или Глен Клоуз. Вокруг подобного названия можно громоздить семиотические построения, вести ожесточенные споры о морально-этических аспектах сценической практики, писать пародии вроде идущих на том же Бродвее «Признаний пениса». Что же до пьесы, то какая это, в вагину, пьеса! В истории мировой литературы есть авторы одного произведения, Ив Энслер войдет в нее как автор одного названия.

Известия — 2003 — 29 мая с. 14.

Марина ДАВИДОВА

Весь XX век искусство боролось за право говорить обо всем (фрустрациях, перверсиях, фекалиях, изнанке тела и души) и по-всякому. Не стесняясь в выражениях и прямо называя фекалии сами знаете чем. Теперь борьбу можно считать оконченной. Вслед за наркоманами, садомазохистами, суицидалами и проч. на сцену вышла Вагина и заговорила во весь голос. Голос оказался противным, но шуму он наделал много... Дело было так.

В начале 90-х в набирающей популярность технике документального театра (verbatim) гражданка США Энслер состряпала некий текст. Начиная автор поговорила по душам с обладательницами женского полового органа. Они ничего не тая рассказали ей, как рожали, как теряли девственность, как впервые испытывали оргазм. Если бы Энслер получила всю эту информацию из рук

гинекологов и сексопатологов, ее произведение проходило бы по медицинской части. Но Энслер получила ее из первых рук, а это уже, как ни крути, verbatim.

Всё старательно зафиксировав, худо-бедно соединив и назвав пьесой, Энслер начала исполнять «Вагину» на любительской сцене, а там уж — слово за слово, спектакль за спектакль — подалась в офф-бродвейские театры, где ей и говорят: «Ты что, дура, что ли? Смени название, тогда, может, и поставим!» Тут смекалистая документалистка поняла, что название менять нельзя, что именно в нем весь циммес, ибо это не название, а бренд. Его раскручивать надо, а не сидеть сиднем. И Энслеровская «Вагина» вовсю понеслась по кочкам. Она стала прекрасным трамплином для придуманного Энслер V-дня — за вагину (vagina) и против насилия (violence). В этот день женщины, по мысли бойкой креативщицы, должны бороться за свои права и права своего то и дело

попираемого органа. Сначала к движению примкнули широкие женские массы, потом купились и знаменитости. Борьба началась такая, что феминистки от зависти кусали локти — куда им с их хиленькой идеей женского равноправия супротив всепоглощающей стихии материально-телесного передела.

В России в какой-то момент тоже стали чесать репу — а не поставить ли нам это дело. Но все же не решились. По моему — правильно не решились. И дело не только в том, что ставить собственно нечего — текст Энслер напоминает то книгу Рабле, то переписанную каким-то неумным похабником Песнь песней, то криминальную сводку, то исторический экскурс, то эпикриз, то некролог, что он не напоминает вовсе — так это пьесе. Дело в том, что привезенное в Москву Чеховским фестивалем представление Штутгартского театра вдруг ясно показало — русским деятелям сцены в «Вагину» лучше не лезть. Вот западные артисты и впрямь виртуозно овладели исполнением всей этой галиматии. Она не кажется в их исполнении ни пошлой, ни патетической.

Спектакль играют в так называемой коробке — павильоне размером с небольшую комнату. Прямо у нас перед носом, на расстоянии вытянутой руки, три женщины в красных туфлях, неправдоподобно красных платьях и с похабненькой красной помадой на губах лепечут что-то такое про особенности своей сексуальной жизни. Иногда переходят на

Нежные героини спектакля с шокирующим названием

скороговорку, иногда на пение, один раз матерятся. Где-то в углу сидит переводчик и бубнит текст пьесы по-русски. Слышно его, к счастью, плохо. Ударение он, как и положено, делает на первом слоге, отчего вагина кажется некой женщиной по фамилии Вагина, с которой все время случаются какие-то неприятности, а иногда и приятности. Отвлечись от текста проще простого, и как только ты это делаешь, сразу начинаешь получать удовольствие, ибо штутгартские актрисы, особенно две из них — типичные немки, некрасивые, мужеподобные, брутальные, умудряются быть при этом удивительно обаятельными сцени-

чески. В легкой кабаретной манере они рассказывают нам истории из жизни. Обольстительно улыбаются, лукаво прищуриваются: кажется, еще мгновение — и в коробку собственной персоной войдет Марлен Дитрих.

Как представишь себе на их месте наших отечественных звезд, которые обязательно попытались бы зазеркнуться, дать пощечину обществу вкусу или, упаси Бог, выудить из всего этого какой-то смысл, страшно становится. Уж какой тут, право, смысл. Ведь сама по себе идея посмотреть на мир с точки зрения вагины, это совершенно инфантильная идея. Дети, как известно,

зациклены на двух вещах — фекалиях и собственных половых органах. Они изучают их, сравнивают, придумывают им смешные и трогательные названия. И главное, что можно посоветовать в этот момент взрослым, — не обращать на детей никакого внимания. Если будешь обращать — случится нехорошая фиксация. Видимо, у Энслер она случилась. И в другой ситуации можно было бы пожалеть бедную женщину. Но жалеть Энслер — это уж увольте. Ведь именно в этой преуспевающей и победоносной особе и заключен смысл нынешней культурной ситуации, в которой бренд важнее текста, а вагина выше головы.